

запачытаў з арсенала паэтычных жанраў ці са старажытнай пісьменнасці (апавяданне «Апокрыф»), але і з традыцыйных сюжэтных структур (апавяданне «Шаман»).

Максім Багдановіч сваімі творамі перш за ўсё прывіў беларускай літаратуры эстэтычныя якасці, якіх яна яшчэ не мела, раскрыў светаадчуванне простага чалавека, яго эмацыйнасць, асабістае багацце ўнутранага свету. Багдановіча цікавіла гісторыя Радзімы, якая таксама адлюстроўваецца ў творах. Ён захапляўся міфалогіяй з яе дзіўнымі вобразамі, нападўняў свае апавяданні філасофскімі роздумамі аб сутнасці Быцця.

Заклучэнне. Максім Багдановіч стаіць у шэрагу тых першапачынальнікаў беларускага адраджэння, хто спрабаваў паказаць месца і ролю беларуса ў гісторыі і часе, сфармуляваць нашу нацыянальную ідэю, асэнсаваць шляхі далейшага развіцця суайчыннікаў. Заслуга Багдановіча заключаецца ў тым, што ён даследаваў не толькі беларускае, але і агульнаславянскае адраджэнне. У гістарычнай перспектыве класік бачыў незалежнасць кожнага народа, яго творчы росквіт, супрацоўніцтва. Пісьменнік быў адным з нямногіх, чые творы друкаваліся па-за межамі Бацькаўшчыны і былі шырокавядомыя.

У сваіх апавяданнях аўтар трактуе жыццё, аднаўленне прыроды ў ім як адвечную крыніцу характара, а здольнасць чалавека адчуць, прасякнуцца ім — як здольнасць да вышэйшай асалоды, рух жыцця — як працэс узаемадзеяння прыроды і чалавека, паэтычнага і звычайнага, радаснага і балючага.

Максім Багдановіч — лепшы прадстаўнік беларускай літаратуры свайго часу. Ён уваходзіць у шэраг вялікіх творцаў свету як роўны сярод роўных.

УДК [821.162.1+821.161.1]-343.4.09

В. Ю. Горохова

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

ЖАНР СКАЗКИ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение. Отношения между Россией и Польшей нельзя назвать простыми, так как часто история этих государств переплеталась, сопровождаясь то военными конфликтами, то временами хрупкого перемирия. Это не могло не повлиять на культуры обеих стран, на такие её составляющие, как национальный язык, фольклор, литература, которые определяют лицо нации, её духовное наследие. Народная культура — это многовековой опыт народа, кристаллизованный в его традициях, верованиях, обрядах, материализованный в предметах искусства, труда и быта. В сложных исторических условиях особая роль (как у поляков, так и у россиян) отводилась устному народному творчеству. Актуальность исследования заключается в том, что именно через фундаментальные жанры устного народного творчества, такие как сказка, можно проследить индивидуальный путь духовного становления той или иной нации. Благодаря народным сказкам мы можем определить, как разные народы относятся к проблемам нравственности. Сказка — один из самых значительных фольклорных жанров. Как известно, «сказочная фантастика, выраженная в специфических формах, с особой остротой выражает устремления народа, его мечты, желания, надежды» [1, с. 45]. Данный жанр устного народного творчества достаточно хорошо изучен литературоведами. Цель нашего исследования: выявить общие и отличительные черты польской и русской сказки, сравнить сюжеты, мотивы, основные образы.

Основная часть. В сказках о животных, которых в польском фольклоре преобладающее большинство, чаще всего побеждает дружба, зло наказывается, слабый хитростью одолевает сильного. Так, в сказке «Баран и волк» барану удается провести волка, а в сказке «Конь, вол, петух, кот и рак» животные выгоняют из избы чертей. То же самое наблюдается и в русской сказке («Волк и семеро козлят», «Кот, петух и лиса»). Отношения положительных героев в бытовой сказке, равно как и в волшебной, строятся на принципах добрососедства и взаимопомощи: персонажи держат своё обещание и помогают попавшим в беду. Однако некоторым польским сказкам присущ шутливый конец при собственно трагической развязке сюжета. Так, в сказке «Кот и курица», идентичной русской народной сказке «Кот, петух и лиса», кот, увидев курочку, которую он неоднократно пытался спасти, зажаренной, с горя съедает её. «Займствование всегда совершается путем сложнейшего процесса “органической” переработки заимствуемого сюжета или мотива в новой воспринимающей среде. При этом сказка подвергается, прежде всего, действию закона бытового и социального переосмысления, национально-социальной акклиматизации. Попадая к разным классам, сказка облекается в конкретные образы, тенденции и целеустановки враждующих и борющихся классов, подменяя соответственно мотивы, эпизоды, образы, цели» [2]. Тот же мотив победы слабого над сильным встречается и в бытовых

польских и русских сказках, где происходит противопоставление богатства и бедности, и только народная находчивость и хитрость помогают справиться с нуждой (пол. «Как люди богатеют», «Как мужичок Бурачок пана в дураках оставил», рус. «Барин и собака», «Глупая барыня»). Польские и русские бытовые сказки ироничны и язвительны, те и другие проникнуты чувством ненависти к тем, кто хочет поживиться за счёт народа, желанием восстановить справедливость. В польской сказке ярко отразилась привычка народа к труду, его ответственное отношение к работе. Например, в сказке «Великаны и храбрый пастушок» Павлуша больше беспокоится об убитых овцах, которых ему было поручено пасти, чем о богатствах, кои ему неожиданно достались. Как особенность следует отметить факт проникновения в польскую волшебную сказку социальных мотивов и бытовых деталей, которые широко распространены в сказке бытовой (пол. «О стеклянной горе»). Также в ней характерно смешиваются персонажи высокого социального положения (князя и короли) с героями-простолюдными (пастухами, мельниками, кузнецами, рыбаками). Часто в польскую сказку проникают религиозные мотивы, в ней очень заметна своеобразная фигура чёрта, которую народ видит иначе, чем то предписывает католическая христианская традиция. «Еще Казимир Вуйцицкий на основании многочисленных сказок о чёрте описывает его внешность и повадки, замечая при этом, что польский чёрт не так страшен, как чёрт на Руси» [3, с. 6]. Церковь рисует Сатану как нечто, нагоняющее злоешищий ужас, однако в устном народном творчестве Дьявол оказывается глупее среднего крестьянина. Так, в сказке «Мазур чёрта хитрее» мужик обманул Дьявола, когда заключил с ним договор о продаже души за деньги, но с тем условием, что отдаст её, когда все зелёные листья с деревьев опадут. Когда же чёрт пришёл по душу крестьянина, чтобы забрать её, тот показал бесу вечнозелёную сосну и поглумился над дурачком. Даже название этой сказки говорит о том, что чёрт, который должен пленять и похищать людские души, с этой задачей не справляется.

Попытки одурачить чёрта выявляются и в распространённом сюжете легенды о пане Твардовском, которому, однако, обмануть Дьявола так и не удалось. В сказке «О Добродневском» нечистая сила восстанавливает справедливость, наказывая злых и одаривая счастливой жизнью добрых людей, нередко она же и заступается за несправедливо обиженных, как, например, в сказке «Дар чёрного лешего», в которой Водяной отчитывает Лешего за то, что тот украл краюху хлеба у бедняка. В сказке «Как чёрт монахом был» за подобный проступок антихрист ссылает чёрта в монастырь. С этой стороны представляет интерес и польская сказка «Про Дьявола и Господа Бога», которая в юмористической форме пытается показать привычку воцерковлённого человека все благие дела приписывать пособничеству Бога, а дурные — проказам Дьявола. Таким образом, акценты в этой сказке смещаются: чёрт не так зол, а Бог не так благостен, как учит религия. Похожая ситуация и в русской народной сказке, о которой некогда А. Н. Афанасьев писал: «Чёрт здесь не столько страшный губитель христианских душ, сколько жалкая жертва обманов и лукавства сказочных героев: то больно достается ему от злой жены, то бьёт его солдат прикладом, то попадает он под кузнечные молоты, то обмеривает его мужик на целые груды золота» [4, с. 113]. Любопытна в этом отношении сказка «Солдат, чёрт и смерть», где сосуществуют независимо друг от друга нечистая сила и смерть, однако именно смерть сводит героя в могилу, что свидетельствует о её преимуществе над нечистыми. Если говорить о темах, которые объединяют русскую и польскую сказку, то можно выделить такие лейтмотивы, как противоборство богатства и бедности, жадности и щедрости, ума и глупости, встреча человека с нечистыми или небесными силами, обличение таких пороков, как зависть, лень, пьянство, трусость и восхваление мудрости, доброты, преданности, любви, смелости, силы знания и искусства.

Герои сказок часто пытаются найти смысл жизни, иногда для этого они отправляются в путешествие. Мотив странничества характерен для польской сказки, где часто персонажи покидают родимый дом по разным причинам: кто-то ищет лёгкой жизни, как Бартек; некоторые ищут работу, как храбрый пастушок Павлуша; кто-то хочет сыскать военную славу или сделаться королём. Нередко этот мотив перемежается с мотивом освобождения от гнета господ, как, например, в сказке «Конь, вол, петух, кот и рак», где кот устами народа провозглашает: «Да здравствует свобода!» [3, с. 228], а в «Золотой девочке» волшебная яблоня говорит: «В неволе я увяла и высохла, а на воле опять расцвету» [3, с. 236]. С этим же связана популярность легенд о спящих рыцарях, которые ждут своего часа в заколдованных башнях. Именно они символизируют дремлющую военную силу Польши во времена национального порабощения. Русскую сказку от польской отличает ещё и то, что в последней намного чаще встречаются имена собственные, обозначающие названия польских городов (Варшава, Краков, Кельце, Олькуш), архитектурных объектов (Вавель, Марицкая башня), есть и лексемы, отражающие реалии польской действительности разных эпох (вельможный пан, грамота, подати, воевода, грош, ксёндз и т. д.). Композиционно русские и польские сказки похожи: и в тех и других присутствуют такие традиционные элементы, как зачин («Давным-давно...»), «Жили-были...», «В некотором царстве, в некотором государстве...»), основная часть, концовка и присказка («И я там был...», «Живут-поживают, добра наживают» и т. п.). Польская сказка, как и русская, обнаруживает пристрастие к числам и формулам. Для русской сказки характерны числа «3», «2», «12», в польской часто встречаются «3», «6», «7», «12». В сказках часто встречается тройка персонажей (три сына (дочери) сказочного царя, три бабы-яги, три чёрта), герои проходят три испытания, находятся в пути три дня и три ночи. Долгое время число «3» было для многих народов пределом счёта, символом полноты, счастливым числом.

Заклученне. Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют взглянуть на становление национального характера русского и польского народа, особенности их быта и менталитета. Выявлены качества и черты человеческого характера, считавшиеся важнейшими, лучшими, и черты, порицаемые народом. Проанализированные сказочные сюжеты помогли нам лучше понять культуру русского и польского народов и найти у них много общего. Очевидно, что это сходство определяет факт, что данные народы имеют общие страницы истории, которые взаимно повлияли на менталитет и сознание поляков и русских. В польских и русских сказках отразились представления трудового народа о добре и зле, социальной справедливости, моральное, а иногда и интеллектуальное превосходство простого народа над эксплуататорами. Именно эти выраженные в сказочных сюжетах надежды и чаяния людей объединяют сказки всех стран мира.

Список цитируемых источников

1. Аникин, В. П. Русская народная сказка : пособие для учителей / В. П. Аникин. — М. : Просвещение, 1977. — 208 с.
2. ФЭБ: Сказка [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. — 2003. — Режим доступа: <http://refdb.ru/look/3320811-pall.html>. — Дата доступа: 07.10.2016.
3. Щербакова, А. Польские народные сказки / А. Щербакова, Я. Мацюсович. — Л. : Художеств. лит., 1980. — 328 с.
4. Афанасьев, А. Н. Народные русские легенды / А. Н. Афанасьев. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 266 с.

УДК 821.161.3*Я.Сіпакоў

В. У. Гулькевіч

Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», Гомель

ЖАНРАВЫЯ ПОШУКІ Ў ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ СІПАКОВА

Уводзіны. Праблема жанру з'яўляецца адной з найбольш складаных у літаратуразнаўстве. Гэта тлумачыцца прыродай самога жанру, яго зменлівасцю пад уплывам зрухаў у сацыяльным і духоўным жыцці грамадства. Кожная гістарычная эпоха абумоўлівае ўзнікненне спецыфічных жанравых форм. Калі мець на ўвазе літаратуру апошніх дзесяцігоддзяў, то асабліва лёгка заўважыць тэндэнцыю да абнаўлення многіх жанравых структур, іх узаемапраціканне і ўзбагачэнне на гэтай аснове. Сінтэз мастацкіх форм — працэс настолькі пашыраны, што адноснасьць жанравай чысціні ўжо не выклікае сумнення. Нягледзячы на тое, што прырода пэўнага літаратурнага роду захоўваецца, «змешанасць», сінкрэтычнасьць шмат у чым адрознівае многія жанравыя структуры ад іх класічных узораў. Даследчык А. Яскевіч ахарактарызаваў гэтую з'яву як «перафарміраванне, дынаміку жанраў» [1, с. 169].

Асноўная частка. Янка Сіпакоў — адзін з нямногіх беларускіх пісьменнікаў, у чьёй творчасці заключаюцца вялікія мастацкія патэнцыі ўніверсальнага плана на мяжы двух амаль узаемавыключальных родавых утварэнняў літаратуры — эпікі і лірыкі. Духоўная і творчая эвалюцыя гэтага творцы ўяўляе досыць цікавы феномен у сучаснай беларускай культуры, калі энцыклапедызм творчых памкненняў, скіраванасць на жывы і рухомы эстэтычны аб'ект, на адноснасьць жанравых форм і абсалютнасць духоўнага зместу гавораць аб аўтары як аб унікальнай творчай індывідуальнасці.

Глыбокая інтэлектуальнасць яго творчасці вынікае з ведання фальклору, міфалогіі, гісторыі народаў свету і ўвасабляецца ў надзвычай шырокай жанравай палітры, якая ўключае і класічныя формы (санеты, трыялеты, балады), і верлібр, і прозу (лірычныя мініяцюры, апавяданні, аповесці), і публіцыстыку (нарысы, артыкулы). Аднак якімі б разнастайнымі па родава-жанравым выяўленні ні былі яго творы, ён застаецца паэтам. Як слухна заўважае даследчыца А. Лысенка, «паэтычнасць светаадчування вызначае стылявую дамінанту вершаў, апавяданняў, аповесцей, нарысаў Янкі Сіпакова і адпаведна — месца гэтага пісьменніка як прадстаўніка лірычнага напрамку ў сучаснай беларускай літаратуры» [2, с. 3].

Адзначым, што ўжо першая кніга «Сонечны дождж» (1960) спалучае ў адзінае цэлае лірыку і эпас, фактычна ўвесь зборнік уяўляе сабой ліра-эпічную паэму. Менавіта адсюль была пракладзена вялікая дарога, ад якой потым пойдучы ў розныя бакі шляхі майстра як паэта, празаіка, нарысіста, публіцыста, эсэіста, сатырыка і перакладчыка.

Аўтар часам «у палоне» эпічнай змястоўнасці, вершам тады не стае рухомасці і прасторы, імкнення палёту. Адноснае свабоду на шляху гарманічнага паяднання разнародных стыхій паэт набыў у зборніку «Лірычны вырай» (1965), калі думка аўтара набірала сваю сілу і моц. У гэтай кнізе Янка Сіпакоў, па словах М. Стральцова, «таленавіта адмовіўся ад сябе, ад сваёй здольнасці пісаць вершы — у імя здольнасці мысліць імі» [3, с. 176].